

«Неблагонадежные» лица на территории белорусских губерний в 1812 г. (по документам Особенной канцелярии министра полиции)

Проблема «неблагонадежных», или, говоря на современный лад, политических заключенных, в 1812г. — одна из малоисследованных в современной белорусской историографии. Одним из основных источников по ней являются документы Особенной канцелярии министра полиции¹. Ранее они выпадали из поля зрения ученых, так как противоречили официально принятой точке зрения российской, а затем и советской историографии о «единении всех народов в борьбе против французских завоевателей».

В документах Особенной канцелярии содержатся сведения о лицах, подозреваемых в неблагонадежности к Российской империи, а также о случаях перехода жителей на сторону французской армии и наполеоновской администрации. По ним можно судить не только о настроениях жителей в предвоенное время, но и о политике, проводимой русским правительством в отношении населения белорусских губерний как до, так и после войны².

Готовясь к войне с Наполеоном, российский император 21 марта издает указ министру полиции: «Об особенном наблюдении в отношении образа мыслей помещиков и других обывателей пограничных губерний, не весьма давно к России присоединенных»³. Губернаторам было приказано составить списки «сомнительных и совершенно подозрительных людей»⁴.

Губернаторы в ответах императору утверждали, что находятся в курсе всех дел в своих губерниях и поэтому знали бы о таких людях и приняли меры и безданного указа. Однако, чтобы оградить себя от возможных последствий, отмечали, что «узнать таковых очень сложно, и что отношение жителей может измениться». Вот что писал гродненский губернатор Александру I в своем донесении: «Указать кого-либо я не могу, но если неприятель вступит в пределы губернии, все может поменяться»⁵. Об этом предупреждал Александра и Адам Чарторыжский, говоря, что «поляки пойдут за самим чертом, если черт поведет их к восстановлению их отчизны»⁶. Об этом можно судить и по донесениям русских тайных агентов. К примеру, генерал-лейтенант Эссен поносил 2 февраля 1812г. из Слонима: «...можно полагать, что все оказанные здешнему краю Его Императорским Величеством милости забыты будут, коль скоро иным государем обещано им будет восстановление Польши»⁷.

На основе списков всех неблагонадежных предполагалось выслать. Это делалось для того, чтобы французы, если боевые действия будут проходить на территории западных губерний, получили как можно меньше информации о состоянии дел в них. С этой же целью должны были быть высланы и чиновники. Данные мероприятия не все в русском командовании находили правильными и оправданными. Вот что писал князь Багратион в своей записке Александру I: «Чиновники, обязанные службою вашего императорского величества, могущие неприятелю дать понятие о земле и способах к продовольствию оной, будут увезены с отступлением войск ...но, каждый помещик, каждый эконоом знает способы своего имения, состояние крестьян, способы соседей, и многие из них состояние всего повета...»⁸ Однако из-за быстрого отступления русских войск, удалось выслать лишь незначительную часть подозреваемых лиц и чиновников, попавших в списки.

Наибольшее число упоминающихся в документах лиц — это чиновники и помещики, поветовые маршалы и шляхтичи, ксендзы и заседатели судов. Причины высылки их во внутренние губернии можно объединить в три основные группы: 1) «преданность к французскому правительству и неблагонадежность к России»; 2) «за малое рвение в исполнении своих обязанностей»; 3) во вспомоществовании неприятелям в получении продовольствия».

Большинство лиц, высланных до начала военных действий и в первые месяцы войны, были высланы командующим 2-м резервным корпусом генералом-интендантом Эртслем, штаб которого находился в Мозыре⁹.

Шляхтичи, проживавшие в Гродненской губернии, «навлекшие на себя некоторое сомнение и подозреваемые в неблагонадежности», всего 15 человек, были высланы по приказанию генерала Торماسова. Некоторых высылали из-за частых поездок в герцогство Варшавское или из-за частых переписок с лицами, находящимися там, а также за «отлучку за границу и определение там на службу»¹⁰.

Некоторые заключенные, шляхтичи и поветовые дворники Минской губернии находились о Бобруйской крепости, где ожидали приговора, но с приближением французских войск были вывезены во внутренние районы России¹¹. Как и предписывалось указом, высылались прежде всего лица, владевшие какой-либо информацией о состоянии дел в поветах и губернии.

С приходом русских войск, а затем и гражданской администрации сразу же начинаются расследования по делам о лицах, которые служили во французской администрации или помогали ей. Все происходило часто поспешно, без какого-либо разбирательства, иногда по доносу. Лица, осужденные в данный период, выступали против российских войск, перехватывали обозы и курьеров (шляхтичи Пинского повета), производили поставку фуража и продовольствия неприятелю, показывали французам пороги. Некоторые, например велижский заседатель Жизневский, «отвращали по велижскому уезду крестьян от должного повиновения». За что, согласно положению Комитета министров от 9 ноября 1812 г., все они были преданы осуждению уголовной палатой¹².

Витебские жители граф Борг, секретарь Щит, полицмейстер Красовский и ксендз Полонский «за службу в польской администрации» по высочайшему повелению были отправлены в Олонец 15 ноября 1812г.¹³.

До объявления всеобщей амнистии эти, и другие подозреваемые, высылались во внутренние российские губернии. Наиболее часто упоминаются Олонецкая, Орловская. Киевская, Черниговская, Тамбовская и другие губернии.

После того как 12 декабря 1812г. была объявлена амнистия жителям западных губерний - участникам войны против России, в отделение полиции стали приходить просьбы об освобождении заключенных. Большинство прошений исходят от самих осужденных, либо от их родственников. В них они доказывают свою невиновность¹⁴. Многие утверждают, что их взяли по доносу, что они оговорены другими жителями¹⁵.

Все перечисленные нами лица попадали под амнистию, объявленную Александром I 30 августа 1814 г. Однако многие просто не дожили до амнистии, умерев в острогах, так как содержались вместе с уголовными преступниками, в крайне тяжелых условиях. В документах особенной канцелярии есть только одно упоминание об освобождении заключенных, это приказ «освободить 30 ноября 3 евреев, подозреваемых и измене, и выдать им по 300 рублей»¹⁶.

Таким образом, несмотря на проводимую русским правительством политику по высылке «неблагонадежных» в довоенное время, документы Особой канцелярии МВД свидетельствуют о переходе части жителей белорусских земель, в основном шляхетского и мещанского сословий, на сторону Наполеона. С ним они связывали надежды на восстановление независимости Речи Посполитой. К сожалению, надежды их не оправдались. Несмотря на всеобщую амнистию, многие из них после окончания войны были судимы и высланы во внутренние губернии, где, так и не дождавшись амнистии, умерли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАРФ. Ф. 1165. Особая канцелярия МВД.

² Генерал Багратион: Сб. документов и материалов. М., 1945.

³ Наполеон в России в 1812 году. СПб., 1911. С. 58.

⁴ Там же. С. 58.

⁵ ГАРФ. Ф. 1165. Оп 1. Д. 149. Л. 14.

⁶ Русская старина. 1902. № 7-9. С. 243.

⁷ Материалы ВУА: Отечественная война 1812 года. СПб.. 1908. Т. 9. С. 4.

⁸ Там же. СПб., 1909. Т. 12. С. 78.

⁹ ГАРФ. Ф. 1165 Оп. 1. Д. 13. Ч. 1. Л. 25; Ч. 2. Л. 120; Д. 154. Л. 25.

¹⁰ Там же. Д. 154. Л. 57.

¹¹ Там же. Д. 13. Ч. 1. Л. 25.

¹² Там же. Ч. 2 Л. 120; Д. 154. Л. 25.

¹³ Там же. Д. 13.4. 1. Л. 11.

¹⁴ Там же. Д. 154. Л. 1,8, 11.

¹⁵ Там же. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 53.